

Руслана ЛЯШЕВА

Лирическая публицистика Гария Немченко

Голландец по происхождению, Винсент Ван Гог приехал в Париж в 1886 году, перепробовав много профессий, в том числе проповедника евангелистской церкви в беднейшем районе Бельгии. Во Франции он увлекся живописью и быстро усвоил носившиеся в воздухе новые художественные идеи. Ван Гог знакомится с импрессионистами, дружит с Гогеном и много рисует. Мэтр, которому он показал первые работы, усмехнулся и схватился за кисть, чтобы выправить и смягчить закрученные (неправильные) линии и напряженные мазки на холстах новичка, но быстро понял: картины обретают банальный вид и теряют самобытность. Мэтр, действительно, оказался мэтром. Он сумел разглядеть талант и не стал сбивать с панталыку этого оригинала. Дарование – ставшего вскоре знаменитым – Ван Гога бурно реализовалось в какие-то несколько лет. Живописуя оливковые деревья или виноградники, он наполнял их той же кипучей энергией, коей была полна собственная душа. Пейзаж «Красные виноградники» выполнен лихорадочно извивающимися мазками, а крутой поворот дороги придает динамичность всей картине.

В одном из писем к брату Тео с юга Винсент писал: «...Какая здесь природа! Недавно прочел статью о Данте, Петрарке, Боккаччо, Джотто и Боттичелли. Господи, какое огромное впечатление произвели на меня письма этих людей! А ведь Петрарка жил совсем неподалеку отсюда, в Авиньоне. Я вижу те же самые кипарисы и олеандры, на которые смотрел и он. Я попытался вложить нечто подобное этому чувству в один из своих садов, тот, что выполнен жирными мазками в лимонно-желтом и лимонно-зеленом цвете. Больше всего меня тронул Джотто, вечно больной, но неизменно полный доброты и вдохновения, живший словно не на земле, а в нездешнем мире» (Богемская К.Г. Пейзаж. Альбом. М., Издательство «Галактика», 1992).

Мне вспомнился визит Ван Гога к парижскому мэтру с холстами, когда стало известно по похожей ситуации с прозаиком Гарием Немченко. Правда, писатель Николай Переяслов никакой не мэтр по отношению к нему; оба они выступают в одной весовой категории, но в отличие от француза Николай не одобрил стилевую манеру Гария, чем-то смахивающую на живопись импрессиониста, так сказать, в словесном как бы воплощении, и посоветовал делать покрепче сюжет... Как хорошо, что Немченко не внял совету доброхота, потому что его стиль – особенно в последних рассказах – не что иное, как лирическая публицистика. Рассказ о персонаже, о Русском Мальчике Мише (Немченко Гарий. Русский Мальчик. Рассказы. МГО СП России, М., 2006) или о его друге, а также о друзьях автора в Сибири и на Северном Кавказе переплетается в повествовании с общими рассуждениями о жизни, об истории, о путешествиях и приключениях и т. д. В 60-ые годы ушедшего века такую прозу с ослабленным сюжетом называли лирической или исповедальной прозой. Гарий Немченко как раз и начинал творческий путь в литературе, но тогда он обращался к сюжетной прозе; первый роман «Здравствуй, Галочкин!» вполне обстоятельно обрисовывает биографии детдомовца, вставшего на ноги среди строителей Запсиба.

Однако, с годами журналистская распахнутость души писателя дала о себе знать, проза стала не только изобразительной (сюжетной), но и размышляющей. Казачий темперамент не позволяет автору спрятаться за спину выдуманного персонажа; он выскакивает на авансцену романа или рассказа, вроде конферансье на концерте, и выплескивает

наболевшие раздумья, на которые его натолкнул собственный персонаж. В биографии Русского Мальчика из одноименного рассказа переплетаются странствия по Африке, служба в иностранном легионе, дружба с молодым шейхом из Арабских Эмиратов и тому подобное, а все это перезванивается с душевным состоянием самого писателя.

Высокие и низкие темы равно притягательны для прозаика, как то – особенности русского характера, например, или сорта сибирской черемши (дикого чеснока). Вот как это выглядит в тексте: «Необычайный душевный подъем испытывал еще и потому, что к этому времени уже начал писать «Русского мальчика», и, задетая началом, струна теперь продолжала во мне звучать всюду и, бывало, – не по тому ли самому закону вредности? – особенно напряженно и тоненько звенела как раз тогда, когда по разным причинам я не мог сесть за продолжение рукописи...

В поездах мне обычно не очень-то хорошо работалось, но думалось особенно плодотворно, и детали рассказа выплывали теперь из небытия, в котором уже заждались своего часа и прямо-таки слышались иногда обрывки будущих – на самом деле, конечно же, бывших когда-то давно, а то и очень, очень давно – разговоров.

Так бывает, когда с головой уходишь в работу: герой твой сперва начинает посещать тебя в кабинете, потихоньку сидит в уголке и молча на тебя смотрит, а потом выходит вместе с тобой прогуляться, а то отправляется в магазин за пачкой чая или в киоск за газетами... Но не мог же Русский Мальчик отправиться за мной в Новокузнецк?»

Почему же не мог? Очень даже смог увязаться за автором в поездку на юбилей строителей Запсиба. Более того, персонаж заставил прозаика посмотреть на многие современные события и оценить их нравственную «составляющую», по терминологии бюрократов, со своей точки зрения. Самое любопытное, Немченко этого героя ни разу не видел, только понаслышался о его подвигах и чудачествах, а сроднился с ним. Рассказ тем и заканчивается, что, наконец-то, произойдет реальная встреча с человеком, который уже сосредоточил сознание писателя на своей почти легендарной личности.

Между прочим, это же и есть сюжет! Только не традиционный, а, так сказать, свободный, который как бы выткала сама жизнь.

Не завладеет ли такой «анти-сюжет» душой читателя покрепче иного железобетонного детектива? Он ведь воздействует вроде бы исподтишка. Автор ничего дорогому читателю не навязывает, размышляет себе да размышляет, а на самом деле его раздумья, как рыбацья сеть, захватывают душу читателя; если, конечно, его душенька реагирует на теплую дружескую интонацию и способна сама в унисон собеседнику пораскинуть мозгами о русском характере и о таежной черемше, о сибирском братстве и просто о человеческом общении – бескорыстном и искренним. Произошло? Ну, значит, сюжет бессюжетной прозы Немченко сработал.

Перечислить темы и проблемы, захваченные прозой Гария Немченко, как ножом бульдозера на дороге в капитализм, невозможно из-за их множества. Остается лишь посоветовать самым любознательным читать его книги. Между прочим, вышло их у Гария Леонтьевича больше 40. так что нужно начинать чтение побыстрее, потому что цифра увеличивается; вполне возможно, перевалила и за 40. Если нерасторопный читатель замешкается, то может и не угнаться. Писатель уйдет семимильными шагами в серьезную литературу к умным людям и столкнет его, недотепу, к детективщикам или, того похлеще, к стряпухам «женской прозы»; мало ему тогда не покажется.

Заговорила я. Не пора ли вернуться к неистовому голландцу? Стиль в живописи Винсента Ван Гога назвали импрессионизмом. Если бы художник вздумал распространить его на прозу, написал бы, допустим, парочку романно, то стиль бы приобрел знакомое нам название лирической публицистики. Как легко жизнь сводит воедино далекие, казалось бы, объекты – французские виноградники и сибирские ударные стройки 60-ых годов! И ничего, совмещаются! Благодаря лирической публицистике.